

Юлия Беринг

МЕДИЦИНСКАЯ
АКАДЕМИЯ

УВЕДОМЛЕНИЕ
О ЗАДОЛЖЕННОСТИ

ДОЛГ

СТУДЕНЧЕСКОЕ
ДЕЛО

АГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ ШАНТАЖИРОВАЛ МЕНЯ
ДОЛГОМ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты шантажировал меня
долгом, которого не было!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты шантажировал меня долгом, которого не было! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я хотела стать врачом. Но богатый и жестокий наследник медицинской академии Марк Волков решил сделать меня своей игрушкой.— Полгода будешь моей девушкой, Кира. Послушной. Иначе отчислю тебя и уничтожу твою семью! Я согласилась ради полумиллионного долга за лечение умершей матери. Он контролировал мои звонки, заставлял лгать, унижал перед студентами и угрожал отнять всё. А потом я нашла документы. Долга больше не существовало! Его погасили много лет назад! Но самое страшное скрывалось в медицинской карте мамы. Она умерла из-за врачебной ошибки, которую семья Марка помогла скрыть! Теперь наследник предлагает мне свою защиту. А я собираюсь разрушить его империю и вернуть себе свободу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника.

Ты шантажировал меня

долгом, которого не было!

Глава 1

Мои пальцы впивались в дверную ручку кабинета декана, пока не побелели костяшки. Я не стучала. Стук — это просьба. А мне нужна была подпись, и я пришла за ней как к себе домой. Секретарь, пузатый мужчина с лицом несвежего хлеба, попытался перекрыть путь, размахивая перед моим носом папкой с уставом.

— Неполадки с графиком приема, гражданочка. Вернитесь через неделю.

Неделя? У меня было три дня до отчисления. Три дня, чтобы найти полмиллиона рублей на оплату моего обучения. Родители влезли в долги ещё во время лечения матери. Она умерла два года назад, а счета остались. В платёжках колледжа старые расходы на клинику присоединили к оплате обучения. Я пыталась разобраться, но бухгалтерия отвечала одним словом: «Задолженность».

Я не стала спорить. Просто толкнула дверь плечом, используя инерцию своего веса и его пассивность. Он охнул, споткнулся о ковровое покрытие и рухнул на колени, рассыпая документы. Я переступила через него, чувствуя запах дешевого табака и страха. В коридоре уже собирались студенты, шепчась за спиной, но я шла прямо, расправляя плечи, хотя внутри всё дрожало от адреналина. Я не жертва. Я выжившая. И сегодня я прогрызу дыру в их системе.

Кабинет был холодным. Кондиционер гудел на полную мощность, создавая иллюзию стерильности и власти. За большим дубовым столом сидел Марк Волков. Сын декана. Капитан сборной по регби. Человек, который мог одним щелчком пальцев превратить мою жизнь в пыль или вознести ее на пьедестал. Он даже не поднял глаз от телефона. Палец лениво скользил по экрану, листая чужие судьбы, как карточки в приложении для знакомств.

— Кира, — произнес он наконец, голос ровный, без интонаций. — Ты нарушила протокол.

Я хлопнула своим заявлением об отсрочке по столу. Бумага соскользнула на пол. Марк посмотрел на нее так, будто она была мусором, случайно залетевшим в окно.

— Подпиши. Мне нужно еще две недели. Я найду деньги. Я могу работать архивариусом, могу мыть полы в лаборатории, если нужно.

Марк усмехнулся. Это была не улыбка, а оскал хищника, который видит раненого зверя.

— Полы моют роботы-пылесосы, Кира. А твой долг... — он поднял бумагу с пола двумя пальцами, словно боясь испачкаться, — просрочен на год. Родители не заплатили. Система не терпит статистических погрешностей. Ты для бюджета колледжа — ошибка округления.

— Ты прячешься за спиной отца, — выплюнула я, чувствуя, как кровь приливает к щекам от унижения. — Ты не декан. Ты просто маменькин сынок с властью над слабыми. Тебе скучно, правда? Поэтому ты любишь ломать таких, как я?

Его глаза потемнели. На секунду мне показалось, что он сейчас встанет и ударит меня. Но вместо этого он просто отвернулся к окну.

— Скучно тем, кто не умеет считать. А ты считай лучше. Или уходи.

Дверь открылась без стука. Алина Гросс вошла так, будто ей принадлежал весь этаж, а может, и весь город. Ее каблуки цокали по паркету, отмеряя время моей агонии. Она остановилась посреди кабинета, оглядываясь с брезгливым интересом, и наконец взглянула на меня.

— Боже, какой душок. Дешевый синтетический жасмин и страх. Ты здесь пугаешь мух, Кира?

Алина подошла ближе, склонив голову набок, изучая мои пятна на куртке и следы от ботинок на паркете, которые я оставила, входя.

— Папа говорил, что бедные люди — это зараза. Теперь я понимаю, почему. Ты буквально разносишь грязь по элитному помещению. Посмотри на свои руки. Они же в чернилах. Как у школьницы.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони до боли. Если я отвечу — она скажет, что я агрессивна. Если заплачу — она скажет, что я истеричка. Любой мой жест будет использован против меня. Молчание было единственной броней, которую мне оставило это общество. Я смотрела в пол, глотая желчь и ненависть, чувствуя, как Марк наблюдает за нами обеими. Ему нравилось это шоу. Ему нравилось видеть, как я теряю лицо.

— Достаточно, — голос Марка прорезал тишину. Алина тут же выпрямилась, играя роль невинной студентки.

Он повернулся ко мне, и его взгляд стал тяжелым, физически давящим.

— Отчисление. Через сорок восемь часов. Если долг не погашен полностью. Никаких отсрочек. Никаких работ в архиве. Твоя академическая история заканчивается здесь.

— Но я учусь лучше Алины! — сорвалось с губ, прежде чем я успела заткнуть рот. — Мои баллы выше. Я заслуживаю места больше, чем та, кто покупает оценки связями!

Марк рассмеялся. Коротко, сухо, без веселья.

— Заслуги? Кира, ты путаешь университет с благотворительной организацией. Здесь нет справедливости. Есть только доступ. И у тебя его больше нет. Алина, — он обратился к девушке, не глядя на меня, — проследи, чтобы служба безопасности сопровождала нашего «бывшего» студента до выхода. Чтобы не было инцидентов.

Алина улыбнулась своей идеальной, фарфоровой улыбкой и кивнула. Они оба знали: деньги здесь не решают ничего. Решает власть. А у меня её не осталось.

Я вышла в коридор. Тишина вокруг звенела. Однокурсники, которые обычно здоровались со мной из вежливости, теперь делали вид, что рассматривают плакаты по анатомии или проверяют телефоны. Никто не хотел смотреть мне в глаза. Прикоснуться к моему статусу означало заразиться неудачей.

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Денис Орлов, тихий ассистент из морга, который всегда оставлял для меня горячий чай в лаборантской. Он сделал шаг навстречу, его глаза расширились от ужаса и сочувствия.

— Кира... — начал он, протягивая руку.

Но взгляд Алины, брошенный через моё плечо, метнул в Дениса острие копья. Он замер, отдернул руку и опустил голову. Даже он, добрый и незаметный, не рискнул быть рядом со мной. Социальная изоляция ударила сильнее административного приговора. Меня не просто выгнали. Меня стерли.

Сняв с груди бейдж студента, я посмотрела на свое фото. Улыбка там была фальшивой, надежда — наивной. Я швырнула пластик в урну. Звук падения был громким, как выстрел. Это был отказ. Не от системы, которая меня отвергла, а от самой идеи, что я должна в ней оставаться.

Общежитие встретило меня пустотой. Коридоры были тихими, слишком чистыми. Когда я открыла дверь в свою комнату, сердце пропустило удар. Мебель стояла на месте, но шкафы были распахнуты. Одежды не было. Учебников не было. Только коробки, аккуратно сложенные в углу, перевязанные синей бечевкой.

Комендантша, женщина с лицом, высеченным из камня, стояла в дверном проеме.

— Приказ сверху. Час назад. Выселение в связи с неуплатой. Ваши вещи упакованы. Оплатите хранение до утра, иначе они будут утилизированы.

Утилизированы? Как мусор? Как моя жизнь?

Я бросилась к коробкам, дрожащими руками роясь в вещах, ища паспорт, студенческий билет, ключи от комнаты. Любые доказательства того, что я существую. Но там лежали только старые тетрадки, стоптанная обувь и горстка мелочи, собранная на еду. Документов не было. Их изъяли.

Экзистенциальный ужас накрыл меня волной тошноты. Абстракция «отчисления» вдруг стала реальностью «бездомного». Я была на улице. Физически. Материально. Одна.

Ночь упала на кампус свинцовым одеялом. Я сидела на скамейке у главного входа, подтянув колени к груди. Куртка была тонкой, ветер пробирался сквозь ткань, кусая кожу. Зубы стучали так сильно, что болели челюсти. Телефон в кармане вибрировал — сначала сообщения с маминого номера, потом звонки с неизвестных номеров. После её смерти отец оставил себе её симку. Контакт «Мама» я так и не переименовала: палец не поднимался. «Ты где? Поела?» — спрашивал он. Я не могла написать, что сижу на улице.

На экране высветился новый вызов. Неизвестный номер. Я почти сбросила его, ожидая насмешек от Алины или угрозы от службы безопасности. Но любопытство загнанного зверя взяло верх. Я поднесла трубку к уху.

Тишина. Потом низкий, бархатный голос, от которого мурашки побежали по спине, несмотря на холод.

— У тебя есть два варианта, Кира.

Голос Марка. Он звучал не так, как в кабинете. Не официально. Интимно. Почти нежно.

— Первый: ночлежка для бездомных на окраине города. Второй: сделка со мной.

Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы замерзают на ресницах.

— Зачем тебе это?

— Потому что ты интересная. И потому что я знаю, где твои документы. Они у меня.

Его слова ударили меня в солнечное сплетение. Это не было жалостью. Это не было ловушкой Алины. Это была личная одержимость. Он не хотел уничтожить меня окончательно. Он хотел сломать мою гордость, выбить почву из-под ног, чтобы я осталась только ему. Его жестокость была инструментом привлечения внимания, крючком, на который я должна была клюнуть. Он наблюдал за мной давно. Возможно, с первого дня.

— Приходи в мой гараж через час, — сказал он и повесил трубку.

Я смотрела на телефон, где светился незнакомый номер. Страх никуда не делся, он сгустился в плотный ком в горле. Но под ним, глубже, ярче, вспыхнуло что-то другое. Азарт. Я не была жертвой обстоятельств. Я была игроком, которого только что вытащили на поле. И я знала правила этой игры лучше, чем он думал.

Я стерла номер комендантши, который пыталась набрать, чтобы умолять о хранении вещей. Вместо этого я открыла карты и набрала адрес гаража. Руки перестали дрожать. Голова ясна. Игра началась.

Глава 2

В гараже Марк вернул мне документы и велел комендантше пустить меня обратно до следующего вечера. «Условия обсудим завтра. После занятий», — сказал он. Ни обещания защиты, ни договора. Только сутки, за которые я должна была решить, чем готова заплатить за ещё одни сутки.

Лекционный зал №404 пах дезинфектантом и чужим страхом. Я сидела на задней парте, сжимая ручку так сильно, что костяшки пальцев побелели. На доске висело расписание: «Медицинская этика. Профессор Верещагин». Обычная лекция для обычного курса. Если бы не Алина Гросс, стоящая у трибуны как хозяйка мира, я бы просто записывала конспекты и думала о том, как раздобыть ужин. Но сегодня воздух был густым от напряжения, и каждый вдох отдавал горечью во рту.

— Давайте обсудим границы допустимого, — голос Алины лился медово и холодно. Она обвела взглядом аудиторию, останавливаясь на мне дольше положенного. — Что мы считаем этическим экспериментом? И где проходит черта, когда бедность становится оправданием для... фальшивок?

Зал затих. Студенты из «золотой» группы переглянулись. Я знала этот прием. Это не вопрос по программе. Это публичная казнь через намёк.

— Кира, — Алина улыбнулась уголками губ, но глаза оставались пустыми. — Подойди к доске. Ты же наша стипендиатка. Расскажи классу, какой пример ты можешь привести из своей практики. Неэтичного поведения студента-стипендиата.

Я медленно поднялась. Ноги стали ватными, но лицо хранило маску спокойствия. Выходя к доске, я чувствовала, как сотни взглядов сверлят спину.

— Этика выше личных обид, — мой голос дрогнул лишь на последнем слове. Я отвернулась к меловой доске, чтобы никто не увидел, как горят мои щеки. — Я не буду называть имена. В медицине главное — пациент, а не репутация коллеги.

Это был ответ, который должен был закрыть тему. Проявить достоинство. Показать, что я выше их игр. Но Алина только рассмеялась тихо, почти интимно.

— Какое благородство. Жаль, что оно не подкреплено доказательствами.

Профессор Верещагин, пожилой мужчина с мутными очками, одобрительно кивнул Алине и повернулся ко мне.

— Некоторые студенты, — начал он монотонно, — склонны к фальсификации данных ради выживания. Выживание — это хорошо. Но честность важнее. У вас есть результаты экзаменов, Кира? Или вы предпочитаете говорить о морали, пока ваши цифры молчат?

В зале послышался шепоток. Они уже решили. Для них я была мошенницей, которую терпят из жалости или страха перед деканом.

— Мои результаты в системе, — произнесла я четко. — Каждый балл подтвержден комиссией.

— Система может ошибаться, — перебила меня Алина. Она достала телефон, экран которого светился в полумраке зала. — А вот человек — нет.

Она подошла к проектору и подключила устройство. На большом экране появилась фотография заявления. Читательный почерк, знакомые буквы. Мое имя. Фраза: «Прошу отчислить меня за нарушение академической честности».

— Это подделка! — выкрикнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Я никогда такого не писала!

— Почерк идентичен, — спокойно заметил Верещагин, не глядя на меня. Он смотрел на Алину с восхищением ученика, получившего лучший проект. — Свидетельства преподавателей лабораторий тоже указывают на... странную активность в ваших работах.

Алина демонстративно щелкнула пальцами.

— Моральная деградация начинается с мелочей. Сегодня подпись. Завтра — кража образцов. Кто поручится, что эта девушка не заразит весь курс своим цинизмом?

Гомон в зале стал громче. Смех. Насмешливые перешептывания. Я чувствовала себя голой посреди зимнего леса. Интеллект, на который я ставила всю жизнь, превратился в оружие против меня. Они использовали мои знания против меня самой, исказив их смысл.

Из последнего ряда раздался тихий голос. Денис Орлов. Тихий ассистент анатомического зала, единственная моя опора в этом аду.

— Почерк подделан, — сказал он, вставая. Его голос дрожал, но слова были твердыми. — Посмотрите на нажим пера. Это другой человек. И заявка датирована прошлым семестром, когда Кира была на практике в другом городе.

Сердце ёкнуло. Надежда вспыхнула яркой искрой. Денис защитил меня. Прямо здесь. При всех.

Но Алина даже не обернулась. Она просто подняла бровь.

— О, Денис. Романтично. Но скажи честно, тебя волнует правда или твоя... симпатия к объекту исследования? Соучастие в таких делах лишает стажировки. Ты готов рискнуть карьерой ради девушки, которая сама просит её отчислить?

Денис замолчал. Его лицо побледнело. Он посмотрел на меня, и в его глазах читалась растерянность. Он боялся. Не за меня, а за себя. И я поняла: если он продолжит спорить, они сотрут его вместе со мной.

Я резко шагнула к Денису и взяла его за руку, жестом останавливая.

— Спасибо, Денис, — прошептала я, чтобы слышал только он. — Сядь. Пожалуйста.

Он сел. Медленно. Как будто опускался в могилу. Я добровольно лишила себя единственного союзника, чтобы спасти его. И этот выбор оказался самым тяжелым ударом за весь день.

Верецагин постучал указкой по столу. Тишина повисла звенящей, оглушающей.

— Кира, — позвал он. — Ты стоишь перед всем курсом. Перед будущими врачами. Мы учимся не только диагнозам, но и ответственности. Признай ошибку. Извинись перед коллегами за то, что пятнаешь репутацию нашего колледжа своими сомнительными поступками.

Руки сжались в кулаки так, что ногти впивались в ладони, оставляя красные полумесяцы. Боль физическая заглушала боль душевную. Внутри всё кричало: «НЕТ!» Я не виновата. Я не лгу. Я борюсь.

Но страх потерять последнее — возможность учиться, крышу над головой, шанс на будущее — давил сильнее гордости. Если я откажусь, они выставят меня за дверь прямо сейчас, без суда и права голоса.

Я глубоко вдохнула воздух, полный пыли и ненависти.

— Прошу прощения, — произнесла я сухим, механическим голосом. Слова звучали как капитуляция. Как предательство самой себя. — За неудобства.

В зале не было смеха. Было хуже. Была тишина. Тишина людей, которые увидели, как ломают того, кто пытался стоять прямо. Это унижение было глубже любого оскорбления. Я предала себя на глазах у тех, кого хотела уважать.

Когда лекция закончилась, я вышла в коридор медицинского крыла первой, избегая встречных взглядов. Каблуки гулко стучали по линолеуму, отбивая ритм моего собственного падения.

Алина ждала меня у окна. Она пила кофе из бумажного стаканчика, выглядя абсолютно расслабленной.

— Красивая сцена, Кира, — протянула она, не оборачиваясь. — Марк Волков уже знает о твоей слабости. Знаешь, что он делает со слабыми? Он их ломает окончательно. Чтобы потом склеить заново. По своему усмотрению.

— Отстань, — процедила я, пытаюсь пройти мимо неё.

— Не хочешь быть частью игры? Тогда стань пешкой.

Она демонстративно толкнула меня плечом. Резко, злобно. Я пошатнулась, теряя равновесие. Папка с конспектами выскользнула из рук и раскрылась. Бумаги разлетелись по полу, смешиваясь с грязной водой из чьих-то мокрых ботинок и пылью из вентиляции.

— Ой, какая неуклюжая, — захихикала Алина, переступая через листок с моим резюме.

Я замерла на четвереньках, собирая бумаги. Слезы жгли глаза, но я не плакала. Только злость. Холодная, стерильная, как скальпель.

И тут в конце коридора появился Марк Волков.

Его силуэт был знакомым и пугающим одновременно. Высокий, в идеальном костюме, с выражением лица человека, которому скучно жить. Он остановился, глядя на меня, ползущую по полу среди своих конспектов. На секунду я почувствовала надежду. Он сам позвал меня торговаться и на сутки вернул мне комнату. Значит, хотел, чтобы я дошла до следующей встречи. Неужели хотя бы сейчас не вмешается?

Марк посмотрел на меня. Его серые глаза скользнули по моему лицу, по разбросанным бумагам, по довольной улыбке Алины. Никакой реакции. Ни капли интереса. Ни тени сочувствия.

Он просто развернулся и пошел дальше, открывая дверь в кабинет декана. Алина последовала за ним, бросив на меня последний презрительный взгляд.

Дверь закрылась с глухим стуком.

Глава 3

Иллюзия контроля рухнула. Марк показал своё истинное лицо. Я была не партнером. Я была расходным материалом. Приманкой. Игрушкой, которую можно выбросить, когда она начинает кусаться. Одиночество ударило в грудь, как физический удар. Я осталась одна посреди холодного коридора, среди мокрой грязи и собственных унижений.

Я собрала рассыпанные конспекты в охапку и вышла из главного корпуса, не оглядываясь. Дорога до общежития заняла несколько минут, но я шла так, будто преодолевала целый континент.

Комната в общежитии встретила меня сыростью и запахом чужого успеха. Моя соседка по комнате, Лена, лучшая подруга Алины, лежала на кровати, листая журнал. Она даже не подняла головы, когда я вошла.

— Ректорат прислал уведомление, — сказала она равнодушно. — Твой доступ к лабораториям приостановлен. «Для проверки этических норм». Так написано.

Я схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Что? Почему?

— Потому что ты призналась в фальсификациях перед всей аудиторией, Кира. Или ты забыла?

Я достала телефон. Экран показывал отсутствие сигнала. Я попробовала войти в университетский портал. «Ошибка доступа. Аккаунт заблокирован.»

Отсрочка Марка не спасла меня. Она сделала меня мишенью. Теперь у них было полное право уничтожить меня юридически и административно. Стипендия зависела от допуска к практическим занятиям. Без допуска — нет оценки. Нет оценки — отчисление. Долг родителей ложился на меня полностью.

Я осела на пол, обхватив голову руками. Хотелось кричать. Хотелось исчезнуть. Но вместо этого я начала вспоминать детали дня. Коридор. Толчок. Разбросанные бумаги.

Память возвращалась фрагментами, как кадры пленки. Когда Алина толкнула меня, её сумка качнулась. Что-то выпало из открытого клапана. Маленький, сложенный вчетверо листок. Белый. С печатью ректората.

Я подползла к сумке у двери и вытряхнула конспекты, собранные в коридоре. Среди принесённых конспектов, в углу, под ножкой шкафа, виднелся уголок чужой бумаги.

Сердце забило быстрее. Я осторожно вытянула клочок. Пальцы дрожали, но я заставила их успокоиться. Развернула.

Эта бумага оказалась временным пропуском в закрытый архив исследований. Код доступа. И название файла: «Проект "Химера". Финансовые отчеты. Гросс».

Отец Алины. Ректор. Человек, который держал нас всех за ниточки.

Алина думала, что сломала меня. Заставив извиняться перед всем курсом. Лишив защиты Марка. Оставив одну в темноте. Но она забыла главное правило игры: когда тебя загнали в угол, ты начинаешь видеть то, что другие пропускают сквозь слезы.

Боль трансформировалась. Она перестала жечь и стала холодной, тяжелой, как металл. Я сжала этот клочок бумаги в кулаке. Теперь я знала, где спрятано их золото. Их грязные секреты. Их коррупционные схемы.

И я собиралась его украсть.

Мои пальцы дрожали, когда я прижималась ладонью к холодному стеклу служебного входа. Воздух пах хлоркой и чужой бедностью. Внутри меня всё кричало: «Уходи». Но ноги не слушались. Я была загнанным зверем, и у меня был только один инструмент — вранье.

Охранник, здоровяк с лицом бульдога, перегораживал проход. Его глаза скользнули по мне с презрением, будто я была пятном на его форме.

— Пропуск, — буркнул он. Не вопрос. Констатация факта отсутствия.

— Марк ждёт меня для срочного согласования документов по ординатуре, — выпалила я. Голос дрогнул, но я заставила себя смотреть ему прямо в переносицу. — Если через три минуты он узнает, что ты задержал его кандидата, тебе придется искать новую работу быстрее, чем ты успеешь допить кофе.

Бульдог замер. Имя Волкова работало как пароль от ада. Он помедлил, потянулся к рации, а я, воспользовавшись секундой нерешительности, проскользнула мимо, чувствуя спиной его тяжелый взгляд. Я выиграла битву, но проиграла лицо. Теперь я была той, кто прячется за чужую юбку. За чужую власть. Страх перед фамилией оказался сильнее моей собственной личности. Это было отвратительно. И это было эффективно.

Лифт поднимался бесшумно. Этаж администрации был пуст. Эхо моих шагов по мрамору отдавалось ударами молотка в висках. На третьем повороте коридора я увидела её. Алина Гросс стояла у окна, любясь своим отражением в темном стекле. Она не обернулась сразу, давая мне время почувствовать себя ничтожеством.

— О, смотри-ка, бродячая собака забрела в золотую клетку, — произнесла она сладко, наконец поворачиваясь. Улыбка была острой, как скальпель. — Ты думала, сможешь украсть документы из кабинета декана? Бедная, глупая Кира. Твои руки грязны не от чернил, а от нищеты. Я могу рассказать всем, как ты пыталась подделать свою стипендию. Тебя выгонят не просто так, тебя вынесут в мешке.

Мое сердце пропустило удар. Паника начала расползаться по венам, горячим и липким ядом. Но потом я вспомнила выпавший из её сумки пропуск. Код доступа к архиву был у меня. Она пока этого не знала.

Я молча достала телефон. Экран светился в полутьме коридора. Я развернула фотографию пропуска. На ней читались название «Химера» и фамилия Гросс.

— Ещё шаг — и я проверю, что твой отец так старательно прячет, — сказала я.

Алина побледнела. Краска схлынула с лица, оставив его восковым. Она сделала шаг назад, споткнулась о собственные каблуки и, не проронив ни слова, исчезла за углом. Тишина повисла густая, звенящая. Я впервые использовала найденное преимущество против главного врага. Моя рука, державшая телефон, все еще дрожала, но внутри вспыхнуло что-то новое. Холодный расчет вместо паники. Я не жертва. Я шпион.

Перед его дверью я остановилась у окна. На служебном сайте академии выбрала вход по временному коду и перепечатала цифры с найденного пропуска. Мой студенческий аккаунт был заблокирован, но чужой код сработал. «Химера. Финансовые отчёты. Гросс» — одна строка и кнопка загрузки. Я нажала её. Полоса дошла до конца; файл появился в памяти телефона. Открыть его не удалось: архив требовал ключ. Ну и чёрт с ним. Я сделала скриншот карточки файла с датой и владельцем. Для начала хватит того, что я добралась до его названия.

Дверь кабинета Марка была приоткрыта. Из щели сочился узкий луч света монитора. Внутри царил тьма, разрезанная синим свечением экранов. Марк сидел спиной ко мне, глядя в темноту зала или на свои отчеты. Он даже не шевельнулся, когда я вошла.

Гордость взвыла. Я хотела уйти. Хотела хлопнуть дверью и сказать: «Ты никто, чтобы игнорировать меня». Но я осталась. Я знала, почему он здесь. Он ждал меня. Или нет. Может, я была просто фоном для его скуки.

Чувство собственной ничтожности стало невыносимым. Оно давило на грудную клетку, лишая воздуха. Я подошла ближе, к краю стола, где лежали бумаги. Запах дорогого парфюма смешивался с табачным дымом. Старые сигареты, дешевый кофе.

Он не смотрел на меня.

И тогда я поняла: просьба о помощи не сработает. Здесь нужна агрессия. Нужно показать, что я не боюсь темноты, в которой он прячется.

Я ударила ладонью по столу. Звук получился глухим, но резким. стакан с водой рядом подпрыгнул, расплескав содержимое на клавиатуру.

Марк медленно повернул голову. Его глаза, темные и непроницаемые, скользнули по моему лицу. В них не было злости. Только скука. Абсолютная, ледяная скука.

— Три минуты, — сказала я, разворачивая к нему экран с карточкой архива. Голос должен был звучать ровно, хотя колени предательски слабели. — Или я отправлю этот файл в «Медицинский вестник». Прямо сейчас.

Марк усмехнулся. Этот звук был тихим, сухим треском ветки под сапогом.

— Наивная девочка с игрушечным мечом, — протянул он. Он встал, и пространство вокруг него словно сжалось. Он был выше меня на голову, шире в плечах. Его тень накрыла меня целиком. — Ты думаешь, это работает? Файл уже удален с серверов академии. А твоя копия бесполезна без ключа дешифровки, который есть только у меня. Ты стоишь перед человеком, который может превратить твою жизнь в ад одним движением пальца, и пытаешься шантажировать его пустыми пикселями.

Он сделал шаг вперед. Я не отступила. Не могла. Мои пятки упёрлись в край стола.

— Зачем ты вызвал меня сюда? — спросила я тихо. Вопрос повис в воздухе, острым клинком.

Марк замер.

— Если тебе всё равно, если я ничтожество, если мой шантаж смехотворен... Почему ты не спал? Почему ты ждал? — Я посмотрела ему прямо в глаза, игнорируя бьющий в них свет монитора. — Тебе нужна именно я. Раз ты потратил время на эту игру.

Глава 4

На мгновение его маска треснула. В глубине глаз мелькнуло что-то опасное. Интерес? Ярость? Оба варианта были страшны. Он оценивающе оглядел меня сверху вниз, словно проверяя прочность материала, из которого я сделана.

— Ты дерзкая, — сказал он, и в его голосе послышалась нотка уважения, которую он тут же подавил презрением. — Дерзость — единственная валюта, которая имеет ценность в этом мире.

Он обошел стол и остановился напротив. Между нами осталось расстояние вытянутой руки. Я чувствовала тепло его тела, запах кожи и табака. Это сбивало с толку. Мой разум кричал «беги», тело реагировало иначе. Трепет. Опасность. Магнетизм.

— Сделка, — произнес Марк четко, как судья, читающий приговор. — Полгода. Ты будешь моей девушкой. Идеальной. Послушной. Никаких вопросов, никаких сомнений. На всех раутах, ужинах, экзаменах комиссии — ты рядом со мной. Ты улыбаешься, когда я говорю, ты молчишь, когда я приказываю.

— Взамен? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Стипендия. Жилье в VIP-секторе общежития. Гарантия выпуска. И защита от твоей маленькой проблемы с долгом родителей.

Его условия звучали как спасение. И как ловушка.

— А если я нарушу роль? — уточнила я.

Марк улыбнулся. Широко. Страшно.

— Тогда я уничтожу финансово твою семью. Так, что они будут просить милостыню у тех, кого ты лечила. Ты потеряешь всё. И останешься одна. Никто не поможет. Ни Денис, ни эта жалкая группа поддержки.

Сердце ухнуло в живот. Угроза была реальной. Я видела это в его глазах. Он не блефовал. Но я не могла принять такие условия. Не целиком.

— Нет, — сказала я.

Марк поднял бровь.

— Что «нет»?

— Я не буду твоей игрушкой, Марк. Я не буду молчать, если меня унижают вне стен этих кабинетов. Я сохраню право на учебу, на друзей, на собственную жизнь. Кроме светских мероприятий. Там я буду твоим прикрытием. Но за пределами этого круга — я свободна. Либо партнерство, либо война.

Тишина стала оглушающей. Марк смотрел на меня, и я чувствовала, как он анализирует каждый мой жест, каждое слово. Он искал слабость. Искал страх.

А потом он засмеялся. Тихо, искренне. Ему нравилась моя наглость.

— Партнерство, — повторил он за мной, пробуя слово на вкус. — Хорошо. Но есть одно условие. Маленькое. Проверка на готовность.

Он открыл ящик стола и достал сложенную вещь. Черная куртка из плотной ткани. Тяжелая. Дорогая.

— Ты будешь носить её на всех мероприятиях. Как метку. Чтобы все видели, кому ты принадлежишь.

Это было унижение. Я должна была надеть на себя символ его власти, стать его клеймом. Но отказ означал смерть. Для меня и для моей семьи.

Я взяла куртку. Ткань была мягкой, теплой. Она пахла им. Моим запахом страха и его запахом контроля.

Я накинула её прямо поверх своей дешевой, растянутой толстовки. Рукава были длинными, воротник высоким. Я выглядела как ребенок, одетый в взрослую одежду. Но внутри я

чувствовала странное облегчение. Капитуляция тела. Победа духа. Я приняла дар дьявола, но сохранила право торговаться дальше.

Резкий стук в дверь разорвал момент.

Марк мгновенно изменился. Его поза стала расслабленной, но глаза остались холодными.

— Войдите, — приказал он.

Дверь открылась. В проеме стоял Денис. Его лицо было бледным, волосы растрепаны, в руках он сжимал блокнот. С формулами, которые я забыла в морге.

Он застыл. Его глаза метались от Марка ко мне. От куртки на моих плечах к лицу Марка. Он увидел нас вдвоем в темноте. Увидел мою капитуляцию.

— Кира? — его голос сорвался. — Я... я нашел твой блокнот. Я хотел вернуть...

Марк не дал договорить.

— Денис Орлов, — его голос был ледяным, режущим. — Вы нарушаете субординацию. Вход в кабинет декана разрешен только по предварительной записи. У вас её нет.

— Я просто... — Денис посмотрел на меня. В его глазах была боль. Чистая, незамутненная боль человека, который видел во мне личность, а не объект. — Кира, что происходит? Ты... ты с ним?

Марк шагнул вперед, нависая над Денисом.

— Оставьте блокнот на столе. И уходите. Немедленно. Или я подпишу ваше увольнение сегодня же. За нарушение конфиденциальности и вторжение в частную зону.

Денис сглотнул. Он посмотрел на меня последним взглядом. Просящим. Надеющимся. Ждущим моего оправдания. Ждущим, что я скажу: «Нет, Денис, это игра, я не предала тебя».

Я открыла рот. Но слова застряли в горле комком грязи. Если я открою правду сейчас, сделка рухнет. Отец потеряет дом. Меня выгонят. Я умру здесь, в этом кабинете, под тяжестью собственного выбора.

Ценой сделки была не только свобода. Ценой была последняя чистая связь. Последнее место, где меня любили за то, какая я есть, а не за то, какую роль я играю.

Я молчала.

Денис понял. Его лицо исказилось, словно от физической боли. Он положил блокнот на край стола, аккуратно, почти благоговейно.

— Извини, Кира, — прошептал он. И вышел.

Звук захлопывающейся двери был громче хлопка в ладоши.

Марк вернулся к своему креслу. Он не смотрел на меня. Он смотрел на закрытую дверь.

Когда Денис исчез за поворотом, в комнате стало совсем тихо. Свет монитора мерцал, отбрасывая тени на стены.

Марк тихо произнес, не поворачивая головы, глядя на то, как я сжимаю кулаки в карманах его куртки:

— Ты только что предала единственного человека, который мог бы тебя спасти. Добро пожаловать в мой мир, Кира. Здесь спасают только те, кто стоит рядом.

Свет в кабинете гаснет окончательно. Оставляя меня в полной темноте, где слышно только биение моего собственного сердца и смех того, кто теперь владеет мною.

Платье висело на дверце шкафа, как предупреждение о пожаре. Черный атлас, холодный и скользкий, он обещал стать второй кожей. Я застегнула молнию до середины спины, но пальцы соскользнули. В зубах молнии застряли волосы. Я потянула сильнее и зашипела от боли. Пришлось позвать горничную из общежития — ту самую, что обычно приносила мне остывший ужин. Она молча собрала мои волосы и застегнула замок, и я почувствовала себя не женщиной, а экспонатом, упакованным для витрины.

В зеркале ванной отражалась чужая девушка. Спина прямая, подбородок поднят, улыбка застыла механической маской. Но глаза... В них больше не было страха перед отчислением. Только ледяное равнодушие. Это не костюм. Это протез души, который начал вращаться в плоть.

Я вышла в коридор общежития, чтобы поймать такси, и наткнулась на Дениса. Он стоял у окна, держа в руках стопку учебников по анатомии. Его взгляд скользнул по моему декольте, по дороговому парфюму, который Марк приказал использовать («чтобы пахла деньгами»), и замер.

— Ты красивая, Кира, — тихо сказал он. Голос дрогнул. — Но мне страшно смотреть на тебя.

Эти слова ударили сильнее любого оскорбления Алины. Денис не осудил. Он испугался. Страх человека, которого я считала единственным безопасным местом, стал первым гвоздем в крышку моего гроба.

Банкетный зал медицинского колледжа гудел, как улей золотых мух. Свет люстр резал глаза. Мы вошли с Марком под руку. Его хватка на моей талии была жесткой, почти болезненной, словно он боялся, что я рассыплюсь на части прямо здесь.

Алина Гросс возникла из толпы, бокал шампанского в её руке покачивался в такт шагам.

— Милая, ты думаешь, он тебя любит? — её голос звенел фальшивой заботой, слышной всем вокруг. — Он тебя купил, как мебель в новый дом. Не забудь поблагодарить хозяина.

Я не ответила. Вместо этого я сделала шаг ближе, игнорируя предупреждающий рывок Марка, и холодно поправила прядь волос на виске Алины. Палец коснулся её щеки.

— Тушь потекла, Алина. От зависти или от слез? Разницы нет.

Она побледнела, теряя инициативу. Зал затих. Я использовала фразу, которую случайно услышала от Марка неделю назад: «Никогда не оправдывайся. Оправдание — это признание вины». Алина открыла рот, но слов не нашлось.

Марк не стал аплодировать. Он просто развернул меня к столу ректора, физически изолируя от любопытных взглядов.

— Садись, — приказал он, и его тон не допускал возражений. Это была не защита. Это была клетка из бархата.

Мой желудок скрутило пустотой. Обед пропущен, алкоголь ударил в голову мгновенно. Перед глазами поплыли пятна, а язык предательски развязался.

— Знаете, декан, — начала я, чувствуя, как мир качается, — долг моих родителей был списан...

Резкая боль в запястье оборвала фразу. Марк перехватил мою руку, сжимая кости до хруста. Боль стала якорем, вернувшем меня в реальность. Он улыбнулся, обнажая белые зубы, и наклонился к моему уху.

— Пей сок, дорогая. Тебе нельзя пить.

На балконе воздух был морозным и разреженным. Шум зала остался за стеклом, заглушенный, как стук сердца под водой.

— Спасибо за спасение репутации, — съязвила я, пытаюсь освободить руку.

Марк не отпускал. Напротив, он прижал меня к перилам спиной, нависая сверху.

— Ты прошла тест, Кира.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и сунул мне в декольте. Холодный угол листа коснулся кожи.

— Документ, который искала Алина. Поддельная подпись декана. Ты могла бы передать его ей и ударить по мне. Но сначала выслушаешь меня. Почему?

Я посмотрела на него. В его глазах не было торжества. Там была одержимость.

— Потому что я хочу видеть, как она падает сама, — прошептала я.

Марк усмехнулся. Это был не смех победителя. Это был смех маньяка, увидевшего родственную душу.

— Верно. Я оставил следы специально. Чтобы проверить твою лояльность. И твою жестокость.

Он понимал. Эта сделка была не про любовь или безопасность. Это был экзамен на способность быть монстром рядом с ним. И я сдала.

Марк склонился ниже. Его губы коснулись моего виска, пахнувшего дорогим парфюмом и, как мне показалось, чужой кровью.

— Теперь ты моя, — прошептал он, и от его дыхания у меня перехватило горло. — И если ты посмеешь снять эту маску раньше времени, я сломаю тебе руки так, что ты никогда больше не сможешь писать диссертацию.

Свет в зале за окном мигнул и погас. Темнота окутала нас, оставляя меня в вакууме, где единственной возможностью дышать была ложь.

Глава 5

Запах формалина въелся в мои волосы, пропитал куртку и, казалось, поселился где-то под рёбрами. Я стояла у массивной дубовой двери анатомического зала, чувствуя, как колотится сердце — не от страха перед трупными червями, а от надежды на живое тепло.

Вчерашний бал был триумфом. Я танцевала так, будто пол горит подо мной, улыбалась Алине в лицо, пока та сжимала бокал шампанского до побелевших костяшек. Марк держал меня за талию крепко, почти до синяков, но его взгляд скользил по залу, оценивая новую «игрушку». Я была королевой кампуса. Неприкасаемой. Но сейчас, в четыре утра, когда тишина медицинского корпуса давила на уши, мне нужна была правда. Мне нужен был Денис. Тот единственный человек, который знал меня до того, как я стала чужой для самой себя.

Я толкнула дверь. Заперто.

Сердце пропустило удар. Дверь в лабораторию всегда открыта для ассистентов, даже ночью. Я прильнула к щели, надеясь услышать шорох бумаги или бормотание молитв над телами, которые он так бережно изучал. Вместо этого раздался низкий, бархатный голос декана Волкова.

— Она справилась лучше, чем мы ожидали, Марк. Алина Гросс уже начала нервничать. Твой план работает.

Затем пауза. Тяжелая, вязкая тишина, которая вдруг лопнула голосом Дениса. Холодным, безжизненным, каким я слышала его только во время вскрытий.

— Она продалась, как и все остальные, — произнес Денис. В его интонации не было сочувствия, только сухое констатирование факта, словно он описывал гнилостные изменения в тканях. — Я ждал от неё большего, но она просто товар на витрине сына декана. Её интеллект? Мусор, если его используют для прикрытия чужих грехов.

Меня вывернуло наизнанку. Колени подогнулись, и я схватилась за холодную ручку двери, чтобы не упасть. Он знает. Он всё знает. И он презирает меня так же сильно, как они презирают бедность. Иллюзия того, что Денис хранит мою тайну из жалости, рухнула с грохотом стеклянного черепа.

Дверь распахнулась.

Денис стоял на пороге, бледный, с тенями под глазами, пахнувший кофе и старыми учебниками. Его глаза встретились с моими, и я увидела там то, чего никогда раньше не видела: отвращение. Не злость. Именно отвращение.

— Кира, — сказал он, и это имя прозвучало как диагноз терминальной стадии. — Почему ты здесь?

Я попыталась улыбнуться своей новой дежурной улыбкой, той, которую Марк тренировал на мне последние две недели.

— Это работа, Денис. Ты же умный парень, ты понимаешь правила игры.

— Правила игры? — Он шагнул ближе, и я почувствовала запах его стирального порошка, простой и чистый, против которого мой парфюм от Марка показался дешевой подделкой. — Ты носишь кольцо. На левой руке. То самое, которое он подарил тебе вчера на глазах у всего курса. Ты смеешься с ним в постели, а потом приходишь ко мне, чтобы поплакать о том, какая ты жертва обстоятельств?

Голос сорвался. Сухой цинизм дал трещину, сквозь которую хлынула паника.

— Я не сплю с ним!

— Но ты позволяешь ему владеть собой, — отрезал Денис. — Ты стала чужой. Абсолютно чужой.

Он протянул руку, чтобы закрыть дверь, но я рефлексивно схватила его за запястье. Пальцы сомкнулись на тонкой кости. На мгновение мы замерли, два мира столкнулись в узком

коридоре. Я ждала, что он смягчится, что вспомнит, как мы вместе собирали учебные скелеты, как он учил меня держать скальпель правильно.

Но он одёрнул руку так резко, будто обжёгся.

— Не трогай меня, — прошипел он, вытирая пальцы о халат, хотя ничего не осталось. — Ты пахнешь его парфюмом и ложью. Уходи.

И он закрыл дверь перед моим носом. Щелчок замка прозвучал громче выстрела.

Этот конфликт был экзорцизмом. Он изгонял меня из своего мира, из мира честности и тихой доброты, оставляя одну в холодной пустоте. Марк не просто контролировал мой статус. Он стерилизовал мою душу в глазах тех, кто мне дорог.

Я стояла, глядя на темное дерево двери, пока слезы не начали жечь щеки. Хотелось кричать, хотелось биться головой о стену. Но вместо этого я почувствовала чье-то присутствие за спиной.

Аромат мяты и дорогого табака.

— Зрелище, конечно, жалкое, — раздался сладкий, медовый голос Алины Гросс.

Я медленно обернулась. Она опиралась плечом о стену напротив, скрестив руки на груди. Её идеальная укладка была безупречна, даже в четыре часа утра. Она смотрела на меня не как на соперницу, а как на раздавленного жука.

— Знаешь, Кира, — продолжала она, делая шаг навстречу, — я всегда знала, что тебя купят. Вопрос был лишь в цене. Денис Орлов? Пфф. Он слишком мелкий для таких сделок. Но Марк... Марк любит ломать игрушки, чтобы посмотреть, как они хрустят.

Она обошла меня по кругу, её каблуки стучали по линолеуму как метроном моего позора.

— Теперь ты полностью зависишь от него. Без его защиты ты никто. Просто долг родителей и грязная студентка. Если хочешь, я могу дать тебе совет: научись мурлыкать громче. Или хотя бы перестань плакать в коридорах. Это портит эстетику кампуса.

Я молчала. Внутри что-то окончательно сломалось, превратившись в острые осколки, которые резали изнутри. Я прошла мимо неё, не удостоив ответом. Игнорирование было единственной броней, которая у меня осталась. Алина впервые видела меня не как угрозу, а как сломанную игрушку. Баланс сил сместился. Я была изолированной мишенью, и это знание давило на грудную клетку тяжелее любого груза.

Путь обратно в общежитие занял десять минут, но каждая секунда тянулась как час. Комната, которую я делила с Марком по условиям сделки, встречала меня полумраком. Здесь пахло кожей, сигаретами и властью.

Марк сидел в кресле у окна, спиной ко мне. В руках он держал предмет, который заставил мое сердце остановиться. Мой старый учебник по анатомии. Тот, который я забыла у Дениса неделю назад. Обложка была потертой, страницы испещрены пометками. Память о жизни, которой больше нет.

Я подошла ближе, готовая схватить книгу, забрать хоть крупицу своего прошлого.

— Отдай, — потребовала я, и мой голос дрогнул.

Марк не повернулся сразу. Он медленно пролистнул страницу, его длинные пальцы скользили по тексту. Когда он наконец поднял голову, в его серых глазах не было ни злобы, ни насмешки. Только спокойное, хищное удовлетворение.

— Он прав, Кира, — тихо сказал Марк.

Я замерла.

— Что именно?

— Ты действительно стала другой. Жестче. Холоднее. Тебе больше не нужно прятаться за добродетелью, потому что ты поняла главное: добродетель не кормит. Она только делает тебя удобной для тех, кто силен.

Он протянул книгу, но не отдал её целиком. Мы оба держались за угол обложки. Наши пальцы соприкоснулись. Его кожа была горячей, моей — ледяной. Электрический разряд пронзил тело, болезненный и магнетический одновременно. Я хотела отдернуть руку, но не смогла.

— Мне нравится эта версия, — добавил он, и это не звучало как комплимент. Это была констатация факта владельца коллекции.

Книга упала на пол с глухим стуком. Терпение лопнуло.

— Разрушил! — закричала я, отпатываясь. — Ты разрушил всё! Мою жизнь, моих друзей, мою честь! Ты не спаситель, ты палач! Я хочу расторгнуть сделку. Сейчас. Немедленно!

Марк не двинулся с места. Он даже не повысил голос.

— Долг твоих родителей составляет полмиллиона рублей, — монотонно перечислил он. — Стипендия, которую я вернул тебе, покрывает только жильё. Без меня ты будешь работать санитаркой в морге до конца семестра. А потом — до конца жизни. Ты хочешь вернуться туда, Кира? К запаху гнили и презрению Алины?

— Я ненавижу тебя!

— Ты ненавидишь себя за то, что согласилась, — спокойно парировал он. — Но ненависть не оплачивает счета.

Я схватила подушку с дивана и швырнула её в него. Она ударилась о его грудь и соскользнула вниз. Он даже не моргнул. Моё сопротивление наталкивалось на вакуум, который засасывал меня внутрь. Мой гнев был бесполезен, как крик в космосе.

Марк встал. Медленно, грациозно, как крупный хищник. Он подошел ко мне вплотную, загнав в угол между стеной и окном. Я чувствовала его дыхание на своей макушке, жар его тела. Это было отвратительно и невыносимо притягательно одновременно.

Он взял мое лицо в свои руки. Большой палец грубо, но настойчиво стер слезу с моей щеки. Я дернулась, пытаясь вырваться, но его хватка была железной. Он заставил меня посмотреть ему прямо в глаза. В глубине их плескалась темная вода, в которой я тонула каждый день.

— Денис уйдёт, — прошептал Марк, и его губы были опасно близко к моим. — Все уйдут. Отец разочаруется, друзья отвернутся, преподаватели забудут. Останешься только ты и я.

Он провел большим пальцем по моей нижней губе, заставляя меня вздрогнуть.

— И знаешь что? Тебе уже не хочется, чтобы он уходил первым.

Слова повисли в воздухе, как ядовитый дым. Я посмотрела на свое отражение в темном окне рядом с нами. Два силуэта. Один высокий, подавляющий. Другой — маленький, сломленный. Но внутри меня шевельнулась мерзкая, липкая мысль: облегчение. Облегчение от того, что больше не нужно быть хорошей. Не нужно держать марку. Можно просто быть вещью. Вещью в коллекции короля.

Марк не целовал меня. Он просто стоял, держа мое лицо, пока я не перестала сопротивляться физически, замыкаясь внутри раковины отчаяния.

— Спи, принцесса, — приказал он мягко.

Он развернул меня к кровати, но не отпустил. Я лежала лицом к стене, чувствуя, как его тело ложится позади меня. Тяжелое одеяло накрыло нас обоих. Тепло его тела было единственным источником энергии в этом холодном мире.

Я смотрела на трещину в штукатурке перед собой. Сон приходил не как отдых, а как анестезия. Проснуться означало снова стать Кирой-студенткой, полной надежд и ошибок. Спать — значит быть частью его плана. Частью его лжи.

«Не врешь», — подумала я, закрывая глаза.

И уснула, потому что проснуться было страшнее смерти.

Глава 6

«Отдай телефон». Голос Марка был мягким, как бархатная петля на шее. Он стоял у окна моего люкса вполоборота ко мне, словно его равнодушие было частью наказания. — «Все контакты, кроме семьи и моих людей, удалены. Ты знаешь правила игры, Кира. Либо ты моя кукла, либо ты — труп с припиской о самоубийстве из-за долгов твоих родителей».

Я смотрела на свои новые туфли — лодочки от местного дизайнера, которые он подарил мне сегодня утром. Они были красивыми и жуткими, как наручники. Внутри меня что-то щелкнуло. Не страх. Злость. Холодная, расчетливая ярость, которая прорастала сквозь трещины моей паники.

— Хорошо, Марк, — мой голос не дрогнул. Я протянула ему смартфон экраном вниз. — Держи.

Он усмехнулся, забирая устройство, и отвернулся к панорамному окну, отвечая на звонок по громкой связи. В этот момент я не дышала. Я просто шла. На цыпочках. К служебному выходу, который он считал закрытым для всех, кроме персонала.

Коридор кампуса встретил меня гулом кондиционеров и холодным светом ламп. Охранники у турникетов главного корпуса знали меня в лицо. «Девушка Волкова». Они пропускали меня без вопросов, но только внутрь. Наружу? Нет. Там была ловушка статуса: выйди без сопровождения капитана сборной, и завтра весь университет будет шептаться о том, что принцесса сбежала от тирана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.